

ГЛАВА 12. ВАНЬЛИНЬСКИЕ ХРОНИКИ

— Раз уж вы исполнили мой уговор, — начал старец, и Янь Хуайлину почудилось в его голосе некое скрытое лукавство, — то ради старого друга Чанлина я готов пойти вам навстречу.

Он выдержал паузу, и Хуайлин, уже предчувствуя подвох, нахмурился. Предчувствие его не обмануло.

— К несчастью, борьба за «Трактат врачевателя» всколыхнула всё поднебесье. В мире боевых искусств воцарился хаос, и я не могу позволить вам вынести свиток из пещеры.

Цзан Е выслушал это с каменным лицом, не выказав ни капли возражения. Хуайлин же мириться с подобным не желал.

— Почтенный старец, не думал я, что вы окажетесь из тех, кто не держит слова! Право, мне за вас неловко.

— Молодой господин Янь, дайте мне договорить, — недовольно прервал его Цянь Чэньцзюнь.

Хуайлин картинно поднял брови, всем своим видом изображая готовность слушать.

— Вы проделали долгий путь, преодолели горы и реки, и отпустить вас с пустыми руками было бы нарушением всех законов гостеприимства. Я доверю вам «Ваньлинский свиток» на один день. Вы прочтёте его здесь, в пещере, а завтра в это же время я приду за подлинником.

Цзан Е и Янь Хуайлин обменялись быстрыми взглядами.

— Если же и это вас не устроит, — добавил старец, — боюсь, на этом наш мирный разговор закончится.

— Почтенный, — заговорил Цзан Е.

— Золотой гвардеец желает что-то добавить?

— Нет. Мы понимаем ваши опасения и сделаем всё возможное, чтобы за этот день постичь тайны Ваньлина.

— Вот и славно.

Янь Хуайлин хотел было возразить, но промолчал, позволяя Цзан Е закончить беседу. Едва Цянь Чэньцзюнь скрылся из виду, Хуайлин не выдержал:

— Один день? Господин гвардеец, вы всерьёз полагаете, что мы успеем всё запомнить?

— Даже если в памяти останутся лишь обрывки фраз, это лучше, чем возвращаться ни с чем, — спокойно ответил Цзан Е.

— Какая поразительная рассудительность, — съязвил Хуайлин.

Цзан Е бросил на него короткий взгляд:

— Говорят, среди приближённых лингуаня Цзяна из Тайяня есть некий гость, обладающий редким даром — он помнит всё, на чём хоть раз остановился его взор. Если я не ошибаюсь, этот человек — вы, господин Янь?

Хуайлин опешил. Этот вечно бесстрастный мечник, оказывается, не так уж мало знал о своём спутнике.

— Если у вас действительно такой талант, то чего бояться? Хватит и половины дня, чтобы запечатлеть текст в памяти.

Хуайлину не хотелось раскрывать все карты, но он не упустил случая поддеть собеседника:

— О, вы совершенно правы. Но вот когда придёт время отчитываться перед вашим начальством и записывать содержание трактата... Не бойтесь, что я наплету чепухи? Выдам какую-нибудь нелепицу за великую мудрость, чтобы просто пустить пыль в глаза?

— Я сумею отличить истину от фальши. Надеюсь на вашу честность.

Хуайлин вздохнул. Шутливо препираться с этим человеком было всё равно что биться головой о стену — тот отвечал на всё со стоической серьёзностью.

— Ладно-ладно, будь по-вашему.

Цянь Чэньцзюнь не обманул. Вскоре в пещере появился посланник со свитком. К удивлению путников, это был Му Линьфэн — тот самый, что недавно пытался их прирезать. Завидев его в узком проходе, Хуайлин с резким щелчком раскрыл веер, не скрывая враждебности. Цзан Е мягко коснулся его руки, останавливая, и вежливо кивнул Линьфэну.

Тот отвел взгляд и поклонился:

— Прошу простить моё невежество. Я не признал в вас великих героев. Надеюсь на ваше великодушие и прошу не поминать лихом мою глупость.

— Ничего страшного, — ответил Цзан Е. — В бою познаются люди. Я понимаю, почему вы так поступили.

— А вот я, — вставил Хуайлин, — далеко не так милосерден, как господин Цзан. Раз уж ты сам принёс свиток, твой наставник, должно быть, подготовил тебя к заслуженной трёпке?

Му Линьфэн побледнел и опустился на одно колено, прижимая свиток к груди:

— Молю о пощаде! Мой поступок был верхом безрассудства, простите!

Цзан Е шагнул вперёд, принял Ваньлинский свиток из его рук и помог молодому человеку подняться:

— Благодарю, что доставили реликвию.

Хуайлин, обмахиваясь веером, подошёл вплотную к Линьфэну и лукаво прищурился:

— Раз уж молишь о прощении, что готов сделать, чтобы его заслужить?

— Господин Янь, — предостерегающе произнёс Цзан Е.

— Этот человек благороден душой, — не унимался Хуайлин, указывая на спутника, — но твоя сестрица пыталась нас отравить! Мы едва не расстались с жизнью в этой дыре. Ты думаешь, я так легко забуду эту обиду?

— Раз уж Цянь Чэньцзюнь оказал нам услугу, не стоит проявлять мелочность, — отрезал Цзан Е. — Юноша лишь охранял гору по велению учителя. Здесь нет его вины.

Хуайлин хотел было поспорить, но, видя, как этот молчаливый сухарь разразился целой тирадой ради защиты «справедливости», лишь фыркнул и отвернулся.

— Да будет так.

Му Линьфэн, пробормотав слова благодарности, поспешно скрылся в тоннеле. Хуайлин проводил его взглядом и задумчиво произнёс:

— Раз он может так легко уйти, почему бы и нам не прихватить свиток и не дать дёру?

— Цянь Чэньцзюнь удерживал здесь мастеров школы Цзюэ долгое время. Это место — лабиринт, полный ловушек, которые не преодолеть простому смертному. Если мы нарушим уговор, то не только лишимся знаний, но и никогда больше не увидим дневного света.

Хуайлин картинно вздохнул:

— Что ж, тогда открывай свой свиток. Чем скорее закончим, тем быстрее выберемся из этой преисподней.

Цзан Е опустился у каменной стены, развернул рукопись и жестом пригласил Хуайлина.

В тексте говорилось:

«Восточные пределы славны крепостью духа и тела. Земля — их опора, душа — их корень. Жизнь у большой воды закаляет характер, но избыток солёного в пище рождает внутренний жар, что сжигает кровь. И хотя враг внешний не может сокрушить их дух, удар школы Цзюэ, подобно ледяному копыю, поражает самый ток жизни, превращая силу в немощь...

Дабы пресечь сей путь, должно смирить неистовое Янь и укрепить покой Инь. Лишь через очищение дыхания, опираясь на твердь земную и следуя течению рек, можно рассеять палящий зной и сохранить равновесие Неба и Земли...»

Они углубились в чтение. Хуайлин то и дело кивал, вспоминая недавний бой Цзан Е с Фэн Чжидуном:

— А вы ведь истинный мастер, господин гвардеец. Кажется, вы уже применяли на деле то, о чём здесь написано.

— Боевые искусства не знают границ, — отозвался Цзан Е. — Даже если мы осознаем малую часть этих истин, это будет лишь каплей в океане мудрости.

— Опять вы скромничаете!

Они просидели над свитком до глубокой ночи. Содержание трактата открыло Хуайлину глаза на самую суть ваньлинских мастеров: их телосложение, склад ума и слабые места техник. Книга описывала не только сильные стороны их искусства, но и то, как их можно сокрушить. Если бы эти знания попали в руки врага, судьба целой школы была бы предрешена.

Закончили они лишь к утру следующего дня. Цзан Е погрузился в медитацию, а Хуайлин стоял у стены, заложив руки за спину. Пусть судьба «Трактата врачевателя» его мало заботила, он не мог не признать: эти тексты даровали ему удивительную ясность мысли.

Цянь Чэньцзюнь пришёл точно в срок, забрал свиток и, не вступая в лишние разговоры, велел Му Хуэйчжоо вывести их из пещеры. На прощание Му Хуэйчжоо строго наказал им хранить в тайне, что их учитель жив. Путники дали обещание и вскоре оказались одни среди диких гор.

Посоветовавшись, они решили держать путь на север, в Янхуа. Но прежде нужно было заглянуть в Мяочжоу: пополнить запасы, накормить лошадей и хоть одну ночь провести в нормальной постели.

Остановившись в первой же приличной гостинице, Хуайлин тут же отправился прогуляться. Вскоре он вернулся, неся несколько свертков с новой одеждой — их старое платье совсем пришло в негодность после блужданий по болотам.

Увидев чёрные одежды, которые протянул ему Хуайлин, Цзан Е нахмурился. Стиль был совершенно не в его вкусе. Хуайлин выбрал наряд смелый и даже щегольской: ткань была глубокого угольного цвета, но по рукавам вились золотые узоры, а на полах мерцали вышитые золотой нитью стебли бамбука. Скромно, но с несомненным изыском.

Хуайлин принялся прикладывать наряд к плечам Цзан Е, а тот лишь мрачно терпел это ребячество.

— Господин гвардеец, примерьте же! Уверен, с размером я угадал.

— Благодарю за заботу, но мне это ни к чему.

— Ну же, не скромничайте, — рассмеялся Хуайлин. — На днях вы выбрали мне веер, считайте это моим скромным ответным даром. Или вы брезгуете моим расположением?

Цзан Е посмотрел на него, не зная, что ответить.

— Переодевайтесь, — настаивал Хуайлин. — На вашей старой одежде всё ещё видны пятна крови, пусть и засохшие. В городе лучше не привлекать лишнего внимания.

Рассудив, что Хуайлин прав, Цзан Е нехотя переоделся. Сам же Хуайлин сменил свои обноски на роскошное одеяние из белого шёлка с алой накидкой и теперь стоял рядом, довольно улыбаясь и помахивая веером.

— Не хотите сменить и веер? — спросил Цзан Е, заметив, что в руках у того всё та же простенькая вещица, изрядно пострадавшая в пещере.

— Ни к чему, — отмахнулся Хуайлин. — Он мне дорог.

Цзан Е промолчал.

— Раз уж у нас выдался свободный денёк, не желает ли господин гвардеец прогуляться со мной по городу?

Им ещё не доводилось спокойно осматривать Мяочжоу, и Хуайлин не хотел упускать случая. Цзан Е сначала хотел отказаться, но, подумав, что не мешало бы заглянуть в оружейную лавку, кивнул.

Они шли по оживлённой улице. Цзан Е, скрестив руки на груди, с бесстрастным видом изучал вывески в поисках приличного кузнеца. Хуайлин же летел впереди, то и дело бросая многозначительные взгляды на проходящих мимо красавиц.

Возле высокого терема у реки они наткнулись на толпу. На втором этаже, на открытом балконе, стояла нарядная девушка с вышитым шаром в руках. Улица внизу была забита народом: мужчины теснились под балконом, задрав головы и надеясь поймать заветный трофей, остальные же просто лениво наблюдали за зрелищем.

Хуайлин, обожавший всякую суету, уже потянулся к толпе, но заметил, что Цзан Е развернулся, намереваясь уйти.

— Эй, господин гвардеец!

— Что такое?

— Сегодня такой благоприятный день! Разве не стоит нам приобщиться к общему веселью?

— И что же? — холодно отозвался Цзан Е. — Ты решил попытать счастья и стать её суженым?

Хуайлин на мгновение опешил, а затем залился звонким смехом. Не давая спутнику опомниться, он схватил его за запястье и потащил за собой к терему.

Обстановка и впрямь была праздничная: на озере плавали пары уток-мандаринок, в воде плескались золотые карпы. Они остановились на самом краю толпы. Девушка на балконе была и впрямь чудо как хороша: тонкие брови, алые губы, грация ивы. Настоящая жемчужина, от которой трудно отвести глаз.

Хуайлин искоса взглянул на Цзан Е, желая увидеть его реакцию на красавицу, но тот оставался всё так же холоден, погружённый в свои мысли.

— Как вам барышня, господин гвардеец?

— Весьма недурна, — ответил тот совершенно ровным тоном.

Хуайлину захотелось его раззадорить:

— А какие же тогда вам по вкусу?

Цзан Е не ответил.

— Неужто наш суровый мечник застеснялся?

Помолчав, Цзан Е повернулся к нему:

— Мы служим лингуаню и вверили ему свои жизни. Где уж нам думать о делах сердечных?

— Мы люди из плоти и крови, и нам не чужды чувства. Или вы станете это отрицать?

Цзан Е промолчал.

— Коль ты человек, нет греха в том, чтобы кто-то пришёлся тебе по сердцу. Я просто спросил, а вы уже сердитесь.

Мечник вздохнул:

— Коль насмотрелся, пойдём назад.

Он развернулся, чтобы уйти, но Хуайлин хотел его остановить. В этот миг толпа внезапно качнулась в их сторону. Из рук красавицы на балконе вылетел шёлковый шар и, прочертив дугу в воздухе, устремился прямо в спину Цзан Е.

Прежде чем Хуайлин успел крикнуть, Цзан Е, повинувшись лишь боевому инстинкту, молниеносно развернулся. Мелькнула сталь — и несчастный шар, не успев коснуться его, разлетелся на две половины.

Шумная толпа мгновенно смолкла. Хуайлин замер, чувствуя, как внутри закипает безудержный смех.

Цзан Е стоял, сжимая меч. Он не думал — он просто отразил летящий в него предмет, приняв его за вражеский снаряд. Лишь увидев на земле обрывки ткани, он застыл в замешательстве.

Девушка на балконе сначала испугалась, но, взглянув на статного воина в чёрном, густо покраснела и, прикрыв лицо рукавом, нежно рассмеялась. Толпа, готовая было возмутиться, мгновенно сменила гнев на милость. Раздались поздравления.

— Какая удача у доброго молодца!

— Истинная пара, красавец и красавица!

Хуайлин едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос. Бедный Цзан Е стоял посреди улицы с видом человека, которого только что заставили проглотить живую лягушку. К нему уже спешил слуга из терема, крича на весь рынок:

— Господин! Поздравляю! Наша молодая госпожа выбрала вас!

Цзан Е нахмурился и принялся искать глазами Хуайлина. Тот обнаружился неподалёку: спрятавшись за спинами людей, он издевательски кланялся и беззвучно шептал: «Поздравляю, господин гвардеец!»

Цзан Е посмотрел на него ледяным взглядом и официально произнёс, обращаясь к слуге:

— Благодарю за честь, но я здесь проездом. У меня нет намерения связывать себя узами брака, так что боюсь, мне придётся отклонить предложение вашей госпожи.

Слуга, не ожидавший такого отпора, вытаращил глаза:

— Господин, да вы посмотрите на неё! Красота неопишная, а её отец — сам лингуань Чжан Мэн! Наша семья знатна и богата, она вам ровня!

— Я недостоин такой чести, — отрезал Цзан Е. — Прошу меня простить.

— Но господин! Такой день, такая удача... Вы не можете так просто опозорить нашу госпожу! Пройдите в дом, поговорите с ней, хотя бы ради приличия! — пристал слуга.

Цзан Е замялся. Ему хотелось уйти, но и обижать людей понапрасну было не в его правилах. Пока он колебался, Хуайлин, обмахиваясь веером, неспешно вышел из толпы.

— Послушай, парень, — обратился он к слуге. — Если человек не хочет, не стоит его неволить.

— Но господин! Наша хозяйка неспроста устроила этот обряд. Если этот воин не искал её руки, зачем же он стоял здесь и так пристально на неё смотрел? Она всё не так поняла!

Хуайлин усмехнулся и, притянув слугу за плечо, что-то прошептал ему на ухо. Лицо парня мгновенно побелело. Он бросил на Цзан Е странный, полный смеси ужаса и жалости взгляд, буркнул: «Простите, обознались» — и бросился прочь.

Хуайлин расцвёл в улыбке, явно довольный собой.

— Что ты ему сказал? — подозрительно спросил Цзан Е.

Хуайлин поманил его пальцем. Когда мечник наклонился, тот прошептал ему на самое ухо:

— Я сказал ему, что ты — любитель «обрезанного рукава» и питаешь страсть лишь к мужчинам, так что его госпоже ловить нечего.

Выражение лица Цзан Е в этот миг стало неопишным. Хуайлин почувствовал, как воздух вокруг него похолодел от его ярости. Если он не исчезнет в ту же секунду, его разрубят пополам.

С весёлым гиканьем Хуайлин выскочил из толпы и помчался к северной окраине города. Цзан Е, разъярённый до предела, бросился следом. В считанные минуты они оказались за городской чертой, где в пылу погони обменялись десятком стремительных ударов.

На самой границе с Янхуа Хуайлин приземлился на ноги и, завидев, что Цзан Е снова заносит меч, закричал:

— Пощады! Пощады, господин гвардеец!

Но на его лице не было и тени раскаяния — лишь азарт и веселье.

— Прекрати нести чушь и порочить моё имя! — прорычал Цзан Е, направляя на него клинок.

— Если бы ты и впрямь был из «этих», никто бы не посмел тебя осудить. Чего же ты так боишься? — продолжал паясничать Хуайлин.

— Защищайся!

Кончик меча начертал в воздухе начало техники Хусяо Лунъинь, но Хуайлин вдруг сложил веер и подставил грудь под удар. Цзан Е, не ожидавший, что тот бросит оружие, в последний миг увёл меч в сторону. Энергия удара пронзила небо, и над головами путников пронёсся призрачный силуэт дракона, сотрясая воздух громовым рокотом.

— Значит, всё-таки не поднялась рука на своего спутника? — довольно протянул Хуайлин.

Цзан Е с лязгом убрал меч в ножны и отвернулся. Он понял: спорить с этим проходимцем — только нервы тратить.

— Коль ты чувствуешь себя уязвлённым, у меня есть предложение.

Цзан Е не удостоил его ответом.

— Давай сойдёмся в рукопашную. Без оружия и с завязанными глазами. Если победишь ты — я в твоей власти, делай со мной что хочешь. А если я... — Хуайлин заговорщицки подмигнул, — ты исполнишь одну мою просьбу.

— Какую? — сухо спросил мечник.

— Узнаешь, когда проиграешь.

Цзан Е молча вытащил все четыре меча и вонзил их в землю, вперив в Хуайлина суровый взгляд.

— Какая решимость! — восхитился тот.

Бросив веер и дротики, Хуайлин зажмурился:

— Я готов. Нападай!

Цзан Е прислушался к дыханию противника и нанёс удар ладонью в стиле Шачжан Люцюань. Земля под ногами Хуайлина задрожала, воздух наполнился гулом, а невидимый поток энергии устремился прямо ему в лицо. Хуайлин, не открывая глаз, ускользнул, используя технику Цзиншуй Мицюань.

Цзан Е нахмурился — движения Хуайлина стали иными, не похожими на его обычный стиль. Вдруг он почувствовал у самого уха дуновение ветра. Мечник едва успел уклониться от удара, нацеленного в плечо. Он кувыркнулся назад и тут же почувствовал натиск со всех сторон. Взрыв в воздухе, он ответил Цинфэн-чжан.

Хуайлин узнал этот приём — Цзан Е перенял его у Фэн Чжидуна в пещере. Слухи не врали: этот человек и впрямь мог повторить любую технику, увиденную лишь раз.

Увернувшись, Хуайлин нанёс ответный удар — свою собственную технику «Семи гусей», которую почти никогда не использовал на людях. Его удары казались хаотичными, но в этой неразберихе крылась чёткая система, направленная на все уязвимые точки Цзан Е одновременно.

Мечник, сбитый с толку незнакомым стилем, начал отступать. Внезапно он почувствовал угрозу сверху и резко бросился в сторону, едва избежав мощного выпада Цзиньянь Чжэньчи.

Оказавшись на земле, Цзан Е мгновенно сложил пальцы в заклинании. В воздухе закружились ледяные иглы — техника Ваньсюэ Пяо. Хуайлин ударил наотмашь, рассеивая холодную завесу

ладонью, и всё вокруг затянуло густым белым туманом.

Не давая противнику опомниться, Хуайлин решил завершить бой приёмом Хунъянь Линьмэнь, но Цзан Е вдруг растворился в воздухе. Вокруг воцарилась ледяная тишина, лишь слышалось мерное падение капель, превращавшихся в лёд. Холод пробирал до костей. Внезапная боль в спине заставила Хуайлина вспомнить: это же техника «Тысячи призрачных вод» из Ваньлиня!

Он хотел развернуться, но Цзан Е уже стоял перед ним. Тяжёлый удар ладонью пришёлся прямо в грудь, и Хуайлин рухнул на спину.

Цзан Е замер, ожидая реакции. Хуайлин понял: даже без оружия он не сможет одолеть этого человека, знающего секреты всех школ поднебесья.

— Признаю своё поражение, — выдохнул он, глядя в небо.

Цзан Е открыл глаза и посмотрел на тяжело дышащего спутника:

— Сдаёшься?

Хуайлин облизнул губы и вдруг обворожительно улыбнулся:

— Раз уж вы меня победили, не соблаговолит ли господин гвардеец помочь мне подняться?

Цзан Е подозрительно прищурился:

— Что такое? Ты ранен? — Он ведь не бил в полную силу.

Хуайлин не ответил, продолжая лежать с самым беспомощным видом. Прождав немного и поняв, что этот наглец сам не встанет, Цзан Е вздохнул и протянул ему руку.

— Я не могу пошевелиться, — пробормотал Хуайлин. — Подойдите ближе.

Скрепя сердце, Цзан Е наклонился к нему и взял за плечи, собираясь подтянуть вверх. В этот миг Хуайлин резко подался вперёд и запечатлел быстрый, влажный поцелуй на его щеке.

Цзан Е отшатнулся, словно его ударили током. В его глазах отразилось такое изумление, что Хуайлин, глядя на это, зашёлся в восторженном хохоте.

— Янь Хуайлин! — рявкнул мечник, стремительно вскакивая на ноги. — Как ты смеешь так распускать руки?!

Хуайлин впервые слышал, чтобы тот называл его по имени. Значит, на этот раз он действительно довёл бедного гвардейца до белого каления.

— Ничего не мог с собой поделать, — протянул Хуайлин с притворно-виноватым видом. — Уж больно вы хороши собой, господин гвардеец. У меня просто не хватило сил устоять.

Не удостоив его ответом, Цзан Е подхватил свои мечи, с лязгом загнал их в ножны и стремительно направился обратно к городу.

Сидя на земле, Хуайлин проводил его взглядом и снова тихо рассмеялся. Подразнить Цзан Е всегда было удовольствием, но сегодняшний день превзошёл все его ожидания.

Рядом лежал забытый веер. Хуайлин осторожно поднял его. Глядя на грязное, окровавленное полотно, он тепло улыбнулся и нежно коснулся пальцами того места, где их кровь смешалась в единое пятно.

<http://bllate.org/book/17493/1710739>